

РОССИЯ В МИРЕ И МИР В РОССИИ

Сравнительный анализ структурных сдвигов в посткоммунистическом мире: социальная справедливость, равенство шансов, социальная солидарность (материалы круглого стола)

Масштабные политические и экономические изменения в конце прошлого века привели к системной трансформации российского и других посткоммунистических обществ. Успех или неудачи рыночных реформ и либеральной демократии требуют критического анализа основных теоретико-методологических подходов к их изучению. Причем, межстрановые различия касаются не только и не столько темпов или качества экономического роста, сколько сложившихся в разных странах условий социального воспроизводства, развития личности, творческого потенциала основных социальных групп населения. К сожалению, необходимо признать, что при весьма скромных экономических достижениях Россия и в этом аспекте сегодня заметно уступает многим посткоммунистическим странам. В связи с этим назрел ряд вопросов, требующих обсуждения и неизбежно затрагивающих такие проблемы, как социальная справедливость, равенство шансов и социальная солидарность. В этом номере журнала мы публикуем материалы посвященного этим проблемам круглого стола, который прошел в рамках XII-й Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества 7 апреля 2011 года. Выступления публикуются на основании производившейся во время обсуждения аудиозаписи¹.

Ключевые слова: постсоциалистические страны, посткоммунистические страны, Россия, социальная справедливость, равенство шансов, социальная солидарность, меритократия, социальная политика, социальное неравенство

ЯДОВ В.А.:

— Когда мы говорим о социальной справедливости, первое, что приходит в голову, — условность этого понятия. И каждый индивид, не говоря уже о социальных группах, по-своему понимает социальную справедливость. Некоторые, например, понимают под этим доверие. По уровню доверия мы находимся на нижних позициях рейтинга, но и по чувству справедливости ситуация не лучше. То есть, начиная с уровня справедливости и заканчивая качеством закона, мы можем говорить, что у нас все плохо. Главный вопрос в данной ситуации: возможно ли какое-то

¹ Участники круглого стола: Васильев Л.С. (НИУ ВШЭ), Данилова Е.Н. (ИС РАН), Дряхлов Н.И. (МГУ), Зарубина Н.Н. (МГИМО), Карачаровский В.В. (НИУ ВШЭ), Коваль Т.Б. (НИУ ВШЭ), Красилова А.Н. (НИУ ВШЭ), Лапин Н.И. (ИФ РАН), Марача В.Г. (РОЭЛ Консалтинг-Регион), Рунов А.Б. (Росатом), Смирнов С.Н. (НИУ ВШЭ), Черныш М.Ф. (ИС РАН), Шкаратан О.И. (НИУ ВШЭ), Ядов В.А. (ИС РАН), Ястребов Г.А. (НИУ ВШЭ) и другие.

улучшение в ближайшем будущем? Обсуждение способов измерения и показателей социальной справедливости может занять слишком много времени и оказаться бесполезным занятием, поэтому я останавливаюсь именно на следующем вопросе: а есть ли надежда на лучшее будущее, есть ли смысл вообще заниматься изучением этой проблемы?

Николай Иванович Лапин² на предыдущем заседании подчеркнул первостепенное и главное условие позитивных перемен – достижение доверия всем органам правопорядка, включая суды, милицию, полицию и так далее. Но если нельзя никому доверять, то как вообще можно надеяться на лучшее будущее? А мы доверять пока не можем. Что, например, произойдет в результате переименования милиции в полицию?

Вот что я недавно услышал в эфире радио «Эхо Москвы»: зачем президенту понадобилось менять милицию на полицию? Чтобы вырвать эту структуру из рук бывшего сотрудника КГБ. Что мы здесь можем от себя добавить? Ничего. Двигаемся ли мы в рамках своей собственной культуры или нет, по сути, не имеет никакого значения. Я думаю, что в рамках любой культуры можно двигаться вперед, но своим способом, своим стилем. И это, несомненно, так. Я убежденный сторонник того, что дело не в особом направлении движения России, потому что направление определяется соотношением сил на мировой арене. Россия сегодня не может командовать, куда двигаться, она идет туда, куда идут все страны. А вот способ этого движения, конечно, свой: ни китайский, ни японский, ни американский, а именно русский. И в этом нет ничего зазорного или стыдного. Поэтому мы идем своим способом, но в направлении со всем человечеством.

А вот куда идет сегодня человечество – неизвестно, потому что оно находится в турбулентном состоянии. И эта турбулентность объявлена, кстати, темой будущего конгресса Европейской ассоциации социологов «Турбулентное общество». В турбулентном обществе нельзя ничего предсказать ни в экономике, ни в природе, ни в политике – нигде. Это социогенная турбулентность. Великие социологические умы собираются для того, чтобы обсудить, что ничего нельзя предсказать – вот такая печальная картина.

Наука сегодня в кризисе. Она отражает изменения, происходящие в обществе. Но меняется общество – значит, должна меняться и сама наука, нужна новая теория. А какая может быть теория, если ничего нельзя предсказать? Теория рисков ничего не дает – она только утверждает, что есть риски, но подсчитать толком мы их не умеем. Взять, например, проблему эмерджентности: как оценить расходы на полезные и на эмерджентные действия? Мы этого не умеем... О чем говорят нам экологи? О том, что надо жить в мире с природой, но мы это и так знаем. И ни одна существующая концепция не работает на более-менее разумное предсказание. Картинки рисовать умеем, а предсказать по сугубо объективным причинам не можем, потому что не знаем закономерностей. Есть только трясучка и турбулентность.

² Речь идет о почетном докладе Н.И. Лапина «Человеческие измерения модернизации: Россия в контексте 24 стран Европы» на XII-й Международной научной конференции ВШЭ по проблемам развития экономики и общества, видеозапись которого доступна в интернете: <http://www.hse.ru/video/29090576.html>

ЧЕРНЫШ М.Ф.:

– Поскольку мы здесь собрались обсудить проблему социальной справедливости, не могу не отослать всех к Джону Роулзу и его книге «Теория социальной справедливости» (*The Theory of Social Justice*). Эта фундаментальная и широко цитируемая книга написана либеральным автором.

Если мне не изменяет память, первая глава книги называется *Justice as fairness*. Понятие «fairness» переведено на русский язык как «честность». Но ведь это неточный перевод. «Fairness» лучше бы перевести как равенство возможностей, согласие всех граждан относительно того, что считать ситуацией, в которой этот принцип соблюдается. Один из примеров применения данного термина – это принцип «fair play» в спорте. Он, по сути, означает, что конкуренция, в которой один из соперников не соответствует фрейму честной борьбы, может оцениваться как несправедливая. Нигде в правилах не сказано, что если одна из футбольных команд остается в меньшинстве по причине травмы одного из игроков, ее соперник не имеет права воспользоваться ситуацией. Но, как правило, норма, диктуемая понятием «fairness», заставляет его выбивать мяч за боковую линию, отказываясь тем самым от неожиданной полученной выгоды. Роулз совершенно прав, полагая, что для соблюдения принципа социальной справедливости важно не только соблюдение формальных правил, но и неформальных представлений о том, что есть справедливое.

Роулз начинает обсуждение проблемы социальной справедливости с понятия прозрачности, открытости. Справедливости не может быть без прозрачности для всех граждан экономики и деятельности государства. Понятно, что когда люди хотят «пилить» и «откатывать», они всегда будут делать это в тайне, потому что это действия постыдны, осуждаемы. Прозрачность – как раз та самая стратегия, которая позволяет уменьшить масштаб этих негативных явлений. Здесь важно понимать, что прозрачность – продукт политической воли. Какие-то вещи, относящиеся к глубинным основаниям культуры, не просто изменить, например, отношения людей к государству и друг к другу. А вот степень публичности, прозрачности экономических и социальных отношений изменить вполне возможно. Если гражданин видит, что социальная мобильность, какой бы малой и незначительной она ни была, все-таки происходит согласно очевидным и прозрачным для него правилам, то это первый шаг к тому, чтобы он признал социальный порядок. Второй шаг – это соблюдение справедливости в той сумеречной зоне, которая правилами не охватывается, как в уже приведенном выше спортивном примере. Но мы и первого шага еще не сделали: политической воли, направленной на то, чтобы сделать социальный порядок в России прозрачным, мы в настоящий момент не наблюдаем. В соответствии с принципом прозрачности государство должно формировать и социальную политику, влиять на политику крупных корпораций так, чтобы не возникало то, что в английском языке называется «double agenda» – двойная повестка дня. Одна программа для публичного представления, другая, реальная для себя и своих, жаждущих получить несправедливую выгоду.

Второй важный момент – это связь между понятием социальной справедливости и международным контекстом. Влияние политики социальной справедливости на общество зависит от степени информированности о том, что происходит в мире. Сравнение позволяет понять, где мы находимся относительно других обществ.

Есть еще один контекст, крайне важный в обсуждении проблемы и политики социальной справедливости – это контекст глобальных социальных и экономических институтов. Вот, например, мы сейчас вступаем в ВТО. Это означает снижение тарифов. Отечественное сельское хозяйство перестанет получать субсидии. Вопрос в том, как это отразится на жизни российских крестьян, на жизни простых рабочих? Очевидно, что вступление в ВТО выгодно только отечественным экспортерам. Это компании, продающие сырье и продукты первичной переработки. Например, «Газпром».

Таким образом, международный контекст способен влиять на уровень справедливости и транспарентности в отдельно взятом обществе. Парадоксально, но наиболее негативный эффект это оказывает на не достигшие нужного уровня развития страны, уязвимые общества. Тогда как меньший негативный эффект достается странам с сильной экономикой. Чем больше интегрированность в мировую экономику, тем выше уровень социальной несправедливости, тем больше социальное расслоение. В связи с этим встает вопрос, насколько общество устойчиво и сможет ли оно выдержать такой уровень интеграции, каковы будут последствия?

МАРАЧА В.Г.:

– Маленькая поправка. Книга Джона Роулза называется не «Социальная справедливость», а «Теория справедливости» (*Theory of Justice* John Rawls 1971). Но Ваша, Михаил Федорович, оговорка по существу правильная. Хотя Роулз считается либералом, он, по сути, создал социально ориентированный вариант либерализма. На протяжении 200 страниц обосновываются два основных правила его теории справедливости.

Согласно первому правилу, богатые не должны беднеть и еще лучше, если они будут богатеть. Но во втором правиле говорится, что богатые должны богатеть так, чтобы бедные не беднели. Экономический институциональный механизм должен быть построен так, чтобы богатые давали работу бедным или своими деньгами создавали спрос на товары, так или иначе увеличивая общественное благосостояние.

Я бы хотел остановиться на региональном аспекте социальной справедливости. Контрасты в благосостоянии между российскими территориями на порядок больше, чем между людьми. Даже официальные статистические данные, в частности, децильные коэффициенты по доходам населения страны, представляются опасными с точки зрения социальной стабильности. Те же коэффициенты расслоения по регионам в 2–3, а то и в 7 раз больше. Эксперты по регионалистике постоянно обсуждают возможные пути решения этой проблемы. Советский принцип выравнивания (передача средств от богатых регионов бедным), господствовавший еще в начале нулевых годов, является демотивирующим для бедных дотационных регионов. Нет стимулирования естественной межрегиональной конкуренции, возрастает коррупция. Здесь возникает альтернативное предложение, которое звучит, возможно, как неолиберальное: давайте поддерживать не бедные регионы, а наоборот – сильные, опорные территории, которые будут развиваться и вытягивать отстающие. Это как раз параллель с реализацией второго принципа Джона Роулза.

В 2005 г. Министерство регионального развития выдвинуло предложение о реализации именно такой доктрины, основанной на принципе поляризованно-

го развития. Доктрину раскритиковали: территория России слишком большая и сложная, скорее всего, останутся «медвежьи углы», которые никаким развитием не будут захвачены, в итоге программу не приняли. Но есть и еще один вариант. Компенсировать недостатки одного и другого подхода пытаются с помощью идеи совмещения поляризованного развития с поддержанием определенных социальных стандартов. Все 20 лет постперестроичных разговоров о приоритетности социальной защиты, о социальных стандартах не дали результатов. По-прежнему социальных стандартов нет ни в медицине, ни в образовании. Единственное, что можно назвать социальным стандартом – прожиточный минимум, который никакого проживания не обеспечивает. Какой же тогда это стандарт? Таким образом, должна быть разработана качественная система социальных стандартов, а власти должны отвечать за их поддержание. В тех случаях, когда власти региона, города не имеют возможности поддерживать стандарты, должен срабатывать принцип субсидиарности (ответственность высших перед низшими), отработанный, кстати, за несколько сотен лет в католической церкви. В том числе федеральный бюджет должен нести свою долю ответственности перед региональным бюджетом.

ЧЕРНЫШ М.Ф.:

– В таком случае, почему государство не начнет платить нормальные зарплаты учителям, врачам, профессорам? Это мгновенно приведет к развитию в регионах местных рынков и будет способствовать формированию того среднего класса, которого у нас нет.

МАРАЧА В.Г.:

– Не могу говорить за политиков. Главный политик в этой сфере – Кудрин. У него голова устроена очень интересным образом, и я сам не очень понимаю как. Предпринимаются повышения заработной платы бюджетникам, которые принципиально картину не меняют. Но моя позиция: именно отсутствие социальных стандартов является источником отсутствия социальной справедливости в России. Непонятно, что можно считать нормальной жизнью, и правительство не имеет понятия об этом. Возможно, что по сравнению со многими странами с доходами у нас не все так плохо. А вот уровень удовлетворенности трудом, этими доходами и так далее – катастрофически низкий.

ШКАРАТАН О.И.:

– Я недавно повторно перечитал статью польского социолога Хенрика Доманьского «Появление в Польше меритократии как признак справедливости». Речь в этой статье идет о том, что если люди в обществе распределены в соответствии с их заслугами, способностями, квалификацией, то это воспринимается ими как естественная справедливость. Такова ситуация, по крайней мере, в Польше. Если при коммунистах рабочие получали больше, чем инженеры, то все понимали, что это несправедливо. Первое, что произошло в Польше за 10 лет реформ, – это ска-

чок вклада образования в уровень и качество жизни. Принцип меритократии сидит в сознании поляков.

В свое время мы изучали типы работников в советской экономике: в составе рабочей силы тогда были узбеки, таджики и эстонцы, как предельные протестанты. Получалось, что в России активная часть населения, готовая работать интенсивно и продуктивно, составляет 8-12%. Это не точная цифра, а скорее, некий ориентир. Но факт остается фактом: русский народ принадлежит к тем обществам, где, с одной стороны, есть трудоспособные, инновационно ориентированные работники, а с другой – основная масса, ориентированная главным образом на то, чтобы просто зарабатывать себе на жизнь. С самого начала мы исходили из того, что при переходе к буржуазным отношениям Россия столкнется с этой сложной ситуацией, с которой не сталкивалась, например, Германия. В Германии после очередной бомбардировки, люди выходили на улицы и восстанавливали все по кирпичику. В связи с этим возникает вопрос, какие категории справедливости можно применять в российском обществе, где имеют место такие крайние позиции и нет доминирования такого промежуточного типа работников?

Сегодня в мире есть два основных способа подготовки людей и поддержки талантов. Первый тип – финский с их лучшими в мире школами. Причем, сами финны утверждают, что построили свою систему образования на базе советской: в Финляндии нет никаких элитарных школ; все школы обеспечены блестящими учителями, дают достойное образование каждому.

На контрасте – опыт США с их элитарными школами. Американское государство предоставляет существенные пособия способным и талантливым, но бедным гражданам. В этом смысле пример Клинтона весьма убедителен. В России я не вижу признаков ни того, ни другого пути. У нас в обществе заметны крайние контрасты: децильный коэффициент равен 10–15, когда в Европе всего 4,5–8.

Так какую модель стоит выбрать нам – американскую или финскую? В каком из вариантов общество придет к согласию? Если выбрать финскую модель, богатые не станут отдавать своих детей в российские школы и, скорее всего, будут учить их за границей. Как быть с тем, что нет системы поддержки небогатых семей: медицины, ипотеки и так далее? Как на это среагирует нынешняя российская номенклатура, которая объединяет правящие силы, генералов КГБ, мультимиллионеров и мультимиллиардеров? Очень вероятно, что среагируют они весьма остро.

В свое время академик Татьяна Ивановна Заславская в начале 1990-х пришла к выводу, что в России могут реализоваться три возможных капитализма. Первый – это социально-демократический капитализм европейского типа. Второе – либеральный капитализм латиноамериканского типа. Минимальное вмешательство государства, концентрация государственной собственности в руках политической и экономической элиты, разделение внутреннего рынка между крупными мафиозно-монополистическими группами, возрастание социальной поляризации, слабая социальная защищенность трудящихся, медленное развитие среднего класса, маргинализация десятков миллионов людей. Это олигархический тип развития, и этот этап мы прошли в 1990-е. И, наконец, третье – государственно монополистический капитализм советского типа. Сжатие свободы экономической деятельности; ограничение частного бизнеса; воссоздание бюрократического квазирынка

с многосторонними, но низкими гарантиями низов; восстановление старого социально замкнутого высшего класса; слабая стратификация общества, которое гибнет в равенстве и в нищете.

Обо всем этом было написано еще в начале 1990-х. Тогда никто не предвидел возврат к советскому прошлому по третьему сценарию. Мои собственные наблюдения во время работы в правительстве показывают: стоило только «им» прийти к власти, как «они» начали передел собственности в свою пользу. Стали брать взятки министры и «демократы», дружившие с Аугусто Пиночетом. Короче говоря, Татьяна Ивановна Заславская совершенно точно уловила эту ситуацию. Розалина Владимировна Рывкина, которая хотела дать этому объяснение, подчеркивала, что именно партийный советский аппарат инициировал перестройку и от него зависела система, которая будет сформирована в стране. Видно, что никакой эффективной собственности здесь не предусматривалось.

Гайдар писал о том, что советский тип не устраивал правящую элиту тем, что нельзя было оставить накопленное детям. Именно поэтому, утверждает он, этой элитой и была инициирована перестройка. Но китайцы это пока терпят! Могут даже расстрелять, если чиновник о детях подумает. Ребенку даже госзаказ передать не позволяют. Они уберегли себя от странного олигархического капитализма с неполной частной собственностью.

Если уж обсуждать моменты, которые могут способствовать консолидации российского общества, то нужно определиться, вокруг чего консолидироваться. Я предложил бы усиливать меритократическое направление. Это не единственный элемент – есть еще много всего: безусловно, очень важны социальные стандарты. Но они должны быть на достаточно скромном уровне, чтобы не повторить ситуацию во Франции, где люди не выходят на работу и живут только на социальные пособия. Ограничения на размер социальных пособий, конечно, не относятся к людям больным, инвалидам и так далее. А дальше – справедливость не по принципу «своя рубашка ближе к телу», как у нас сейчас это делается, а по принципу больших способностей и большей эффективности для общества.

И турбулентность здесь не играет никакой особой роли. Поэтому считать, что абсолютно не ясны перспективы человечества, я бы не стал. Переход от общества, где физический капитал определяет место людей в обществе, к обществу, где талант является ключевым фактором социального статуса, обсуждается в литературе уже лет двадцать, причем, преимущественно американскими социологами.

ВАСИЛЬЕВ Л.С.:

– Свои взгляды я сформулирую только по двум вопросам. Первый вопрос: почему такое явное, наглое социальное неравенство и несправедливость присутствуют в нашей стране? Особенно в последние десятилетия, когда все показатели пошли вверх: денег стало больше, появилось невероятное количество автомобилей, особенно в Москве, и тому подобное. Вместе с тем самая нужная стране часть интеллигенции лишена необходимого уровня для своего интеллигентного существования. Они не претендуют на многое, но им не дают даже самого необходимого! А куда уходят деньги?

На эти деньги заинтересованные люди содержат огромное количество тех, на кого они в случае чего, как Каддафи, могут рассчитывать – это неплохо оплачиваемые силы. Поддерживается та элита, которой разрешается все. Самые несправедливые, самые подсудные дела и прямое воровство игнорируются. Все это делается опять же для того, чтобы иметь прочную социальную базу для обеспечения своих социальных привилегий. Они понимают, сколько народ на этом теряет. И впереди перед ними стоит проблема: как лучше сохранить власть?

Народ в нашей стране, к сожалению, заражен сервильным комплексом. Три четверти века советской власти усугубили атомизацию, неспособность к самоорганизации. Главная задача в глазах власти – сохранить эту систему. Надо давать народу столько, сколько необходимо, чтобы удержаться на нормальном уровне. Преподаватели не восстанут, врачи тоже. Есть много слоев, которые могут держаться на этом уровне. Притом в качестве компенсации используются телевидение, средства массовой информации и особенно активно спорт! На это не жалеют никаких денег. По принципу «хлеба и зрелищ» считается, что это все компенсирует недовольство тех, кто может быть потенциально недоволен. Только пенсионеры, которым нечего делать, могут выйти на улицу и блокировать дорогу. События на Манежной площади стали исключением, ярким резонансом.

Психология нашего руководства – психология «временщиков», и они этого даже не скрывают, держат где-то «запасную хату», учат детей за границей. Для них главное – в случае чего успеть. Стратегии развития носят разные названия – «2020», «2050» – но кто доживет? К сожалению, наличие сервильного комплекса отличает нас не только от европейских государств, но и от Китая.

Илларионов долгое время был советником президента. Сейчас он выступает с идеей роли личностного состава элиты, потому что очень важно, кто «сидит на троне» – порядочный человек или мерзавец.

Второй вопрос сложнее и страшнее. Казалось бы, куда страшнее та перспектива, которую сегодня описал Владимир Александрович Ядов. К описанной им турбулентности я хочу еще кое-что добавить. Мир идет не просто неизвестно куда – мир идет к пропасти. Самая большая опасность: безудержный рост мирового населения, причем, за счет бедных стран. Цивилизованные страны не могут позволить себе воспроизводиться в таком объеме, а в бедных странах действует инстинкт. И это явление набирает обороты. У этой бедной части мира другое представление о равенстве и справедливости. Это представление можно описать как «грабь того, у кого что-то есть». Их первый лозунг – «грабь награбленное». Не «земля – крестьянам», не «заводы – рабочим», не «мир – народу». Уехала элита, уехала культура, уехали мозги – креативная часть.

Вся эта русская бедность – тоже часть «мировой деревни», которая уже численно преобладает в мире. Для «мировой деревни» характерны примитивные представления о социальной справедливости: все должны получать поровну. Для нее типичен вопрос: «почему тебе больше, а мне меньше?» И такое абсолютное, примитивное равенство в рамках «мировой деревни» нормально.

Что касается турбулентности, то этот исламско-нищенский фактор, наверное, играет очень существенную роль, потому что сегодня это главный возмутитель

спокойствия. Ислам – это не религия. Это образ жизни, жесткая система правил, которая больше характерна для секты. Только нельзя забывать, что это секта численностью в десятки миллионов человек.

Я считаю, что в исламе есть два слоя людей. Это мусульмане и так называемые исламисты. Это не разные люди – у них одна и та же теоретическая база (Коран, сунна, шариат). Одни и те же храмы, одни и те же слова, одна и та же идея, что на Западе живут неправильно. Подумать только, на Западе женщины в учебном заведении учат мальчиков! Те радикалы, которые думают, что именно они угодны Аллаху и способны восстановить мир времен Пророка, сегодня выходят на улицы своих городов и к тому же мучают весь остальной мир. В Дагестане, в Ингушетии, в Ираке, в арабском мире мусульмане также страдают от террористических актов. Исламские страны – в большинстве своем бедные, отставшие, воспроизводящие себя очень быстрыми темпами, имеющие больше половины населения молодежи. Работы нет. Они воспроизводятся слишком быстро, чтобы работы хватало на каждого. Социальных пособий нет. Самая активная часть – бедная, имеющая все основания претендовать на равенство и справедливость, которые она понимает по-своему – переходит к решительным и агрессивным действиям, как это происходит сейчас в Египте, Алжире, Тунисе и других странах. «Запад, развращенный, богатый, мерзкий – вы отвечайте за нашу бедность и содержите нас! Вы вытащили нас из богатства и благополучия – Вы и отвечайте!» – так думают они.

В нашей стране другие совершенно проблемы: у нас не хватает детей и будет не хватать, но это уже другой разговор. И вывод для нас отсюда очень грустный – у нас нет перспектив. Перспективы есть в пределах поколений. Что делать – серьезный вопрос. Пока человечество не найдет способ удовлетворить справедливые претензии 75% бедного населения, возглавленного исламской когортой, оно не сможет жить спокойно. Давление на остальной мир со стороны «мировой деревни» будет только усиливаться.

СМИРНОВ С.Н.:

– После нескольких выступлений сложилось ощущение, что апокалипсис случится уже в мое поколение. Хочу перевести разговор с глобальных проблем на проблемы нашей страны. В связи с этим мне вспомнились слова замечательной песни Тимура Шаова «Выбери меня!»:

*Всё в стране ужасно, всё в стране погано.
В высших эшелонах – шум и болтовня.
Бисмарка там нету, нет Шатобриана –
Значит, надо, чтобы главным выбрали меня.*

*И сразу: наших олигархов разведу я круто,
Соберу их вместе и скажу: «Даёшь!»
И скажу: «Сдавайте, граждане, валюту!
У меня народ не кормлен, начался падёж!» <...>*

Будет лучше, если мы будем относиться ко всему этому не чрезмерно серьезно, а будем понимать ограничители и недостатки. Я разделяю стихи Быкова, которые еженедельно публикуются в СМИ и разделяю критику правительства, но тем не менее хочу выразить некоторое несогласие с выступавшими.

Вы сказали, что нет стандартов. Я считаю, что их достаточно много: состав потребительской корзины, стандарты в ЖКХ, на основе которых начисляются субсидии, предельная величина пособия по безработице 4 900 руб. На самом деле стандартом является не прожиточный минимум, а стоимость потребительской корзины, стандарт фиксированной трудовой пенсии, стандарты медицинской помощи, которые входят в полис обязательного медицинского страхования. Для детей, находящихся на государственном обеспечении, стандарты четко прописаны, выделяются средства на питание, медицинское обслуживание. То же самое с нетрудоспособными и малообеспеченными гражданами: местные и региональные бюджеты выделяют на них деньги.

Я полностью разделяю позицию Овсея Ирмовича Шкаратана, что эти стандарты должны быть экономически обоснованы. Мы посчитали, что на конец 2008 г. принятый размер – 4 900 руб. – по всем регионам примерно соответствовал потребительской корзине трудоспособного человека с учетом регионального индексирования. Ситуация на рынке труда более благоприятна, необходимость индексирования заработной платы отпала.

Теперь о социальной справедливости. Возвращаюсь к нашей многолетней дискуссии с Овсеем Ирмовичем, в которой я занимаю более либеральную позицию, а Овсей Ирмович – менее либеральную. Можно говорить о социальной справедливости применительно к конкретным условиям нашей страны. Часть из нас начинала свою научную и трудовую карьеру еще при советской власти. Меня всегда поражало, сколько «нахлебников» приходилось на одного трудящегося человека. В моем понимании справедливо, конечно, не отнять все и поделить, но сократить число ненужных работников. Я думаю, что «Вышка»³ в этом смысле достаточно эффективна (в своей кадровой политике).

Далее. Что есть социальная справедливость? В прошлом году наш институт⁴ выполнил достаточно крупный проект по пригородному пассажирскому железнодорожному транспорту. Это крупная социальная проблема, для Москвы – в первую очередь, еще для Новосибирска, Санкт-Петербурга и так далее. Раньше это был единый бюджет акционерного общества «Российские железные дороги», сейчас – это нормальная бизнес-структура, разделенная на прибыльные пригородные грузовые перевозки, а пригородные пассажирские перевозки сбросили на региональные бюджеты, а дальше возникает вопрос опять же социальной справедливости. Получается, что в расходах региональных бюджетов мы должны забросить строку, которой финансировались бы эти пассажирские пригородные железнодорожные перевозки. Дальше встает вопрос: почему, собственно, медицинское обслуживание, культура, жилищное строительство для нуждающихся

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

⁴ Институт социальной политики и социально-экономических программ НИУ ВШЭ

социальных слоев и прочее должны финансироваться этим железнодорожным транспортом отсюда же?

Возвращаемся опять же к вопросу социальной справедливости. Если мы спрашивали, есть ли возможность сэкономить на чем-то, местные пригородные пассажирские компании отвечали «да, есть возможность сократить расходы... административно-управленческие». Есть такая технология работы на электричке – «*в одно лицо*». Приезжает своя же железнодорожная комиссия по медицине и говорит, что не положено по санитарным нормам.

Следующий вопрос, касающийся социальной справедливости. Это тот самый учет и контроль. Вспоминается Владимир Ильич. Те же самые пригородные пассажирские компании «выкатывают» счета на перевозку так называемых региональных льготников, ветеранов труда. Региональный бюджет оплачивает эти перевозки. Потом они говорят: «Ребята, а что это мы с вами так много платим?» Начинают разбираться, проводят проверку списка и выясняется, что значительная часть этих льготников с такими-то номерами удостоверений, которые никогда не выдавались. Два субъекта нерыночной деятельности: администрация и региональный бюджет – две структуры, которые формально не ориентированы на получение прибыли, между собой не могут договориться! Это действительно перерасход бюджетных средств не на помощь тем, кто в ней нуждается, а неизвестно на что и оседает неизвестно где.

Дальше возникает следующий вопрос. Я упомянул наличие границ, недостатков у тех и у других. Возьмем пример скоростного поезда «Сапсан». Как к нему относиться? Почему вокруг него поднялся такой шум? «Сапсан» – это другой уровень комфорта, но абсолютно тот же самый обслуживающий персонал, только называется по-другому. А шум такой поднялся просто потому, что люди не приучены к такому уровню комфорта и к таким ценам, потому что это технологии западные. Как же создавать тягу людей, которые пока позволить себе этого не могут, к некоей лучшей жизни. Если бросить эту идею, мы можем так и оставаться все время в конце XVIII века. Тогда мы будем иметь по-прежнему две России, хотя их на самом деле не две – их гораздо больше. И это серьезная проблема.

Год назад для журнала «Мир России» (2010, № 3) я написал статью о компаративистском анализе поведения российских домохозяйств в условиях двух кризисов, разделенных ровно десятилетием (кризисы августа 1998 и августа 2008). Очень схожие ситуации. За исключением того, что стало меньше экономической самостоятельности, меньше возможности быть независимым от работодателя. То, что мы называем условно продвинутыми доходами (от предпринимательской деятельности, доходы рантье и так далее), существенно снижается в структуре доходов населения после кризиса. Это отличие от кризиса 1990-х. В сухом остатке растет наша зависимость от существующей системы.

Я бы хотел обратить внимание еще на один маленький сюжет. Да, мы не ходим на выборы. Да, мы портиим избирательные бюллетени. Но реально все это напоминает кухонные разговоры в масштабах всей страны. В общем-то, каждый из нас, работая на эффективном месте, боится его потерять. Потому что снизу нас подпирают – а вдруг будет еще хуже? А вдруг мы завтра потеряем работу и окажемся на улице? Пока мы рабы такой психологии, до тех пор, пока мы от нее не

избавимся, будет зыбкое равновесие, которое может длиться очень долго. Есть все-таки инстинкты самосохранения, которые не позволят объективным показателям и индикаторам упасть ниже допустимого минимума.

Комментарий к выступлению Ядова про стохастичность, турбулентность и прочее. Мы в течение пары лет разрабатывали прекрасный математический аппарат для расчета прогноза потока туристов. Вы думаете, наши прогнозы на два последних года оправдались? Отнюдь нет. Нужно понимать, что вряд ли в ближайшее время мы сможем что-то прогнозировать. Результаты, полученные в ретроспективе, можно использовать только при принятии решений. Если вышел какой-то показатель за пределы допустимого стандарта, нужно срочно что-то с этим делать. А предсказать мы ничего не можем, я так считаю.

ДРЯХЛОВ Н.И.:

– Базовый элемент социальной справедливости – признание принципа равенства каждого в ситуации. Своеобразную революцию в нашей социологии произвело то, что осуществил Николай Иванович Лапин – разработку социального портрета региона, который привел в итоге к созданию социального портрета России. Сегодня в ходе нашего обсуждения уже наметилась тенденция к написанию портрета мирового развития. Книга «Социальный портрет России», результат огромного труда, дает в руки нашим правящим верхам конкретный материал: проблемы, тенденции, противоречия, ценности практически по всем регионам России. Тем не менее никто не заинтересовался, не попытался поставить на обсуждение, заслушать эти материалы ни в Общественной палате, ни в правительстве, ни где-то еще. Есть такой бытовой афоризм: «все, что идет от Академии наук, идет в мусорную корзину». Этот афоризм отражает принцип реакции наших правящих кругов. Это грубо, но близко к реальности. Ни один серьезный материал относительно принципов и мирового опыта решения проблем социальной справедливости не получил соответствующей поддержки наверху.

Я считаю, что лучший опыт реализации принципа социальной справедливости мы наблюдали в ГДР. У меня была программа сотрудничества с ГДР, с университетом Гумбольдта с 1974 по 1984 гг. В результате этого сотрудничества вышла книга в 2004 г. «Россия и Германия: Опыт трансформации» в издательстве «Наука». Так, например, в ГДР вместе со свидетельством о браке автоматически давались ключи от однокомнатной квартиры. Затем, когда в этой молодой семье рождался ребенок, вместе со свидетельством о рождении семье вручали ключи от двухкомнатной квартиры. Когда рождался второй ребенок – от трехкомнатной. Это было незыблемо. Теперь, когда ГДР уже не существует, ностальгия по той социальной защищенности и заботе все еще живет.

Еще один неплохой пример – программа ESOP, план приобщения к собственности в США. Для решения проблем в промышленности попытка использовать японский опыт кружков качества в США успеха не имела – не тот менталитет. Тогда была придумана программа ESOP. Она включала в себя 4 основных принципа: 1) приобщение каждого работника к собственности; 2) причастность каждого работника к разработке управленческих принципов; 3) причастность каждого

работника к контролю над выполнением принятых управленческих принципов; 4) равенство каждого. Очевидно, что эти принципы были бы полезны на любом нашем предприятии, в любой российской корпорации.

Мне довелось встречаться с Джоном Гэлбрейтом. Он подарил мне свою книгу «Эра неопределенности» (1970 г.). Фактически эра неопределенности уже тогда воспринималась как ситуация турбулентности, о которой мы здесь говорим. Автор анализирует все этапы развития капитализма, ситуацию в Советском Союзе, то, как развились два разных направления капитализма (западное и восточное) стран Европейского союза. Правда заключается в том, что на сегодняшний день нет удовлетворительной концепции, нацеленной на развитие мира, спокойствия на планете.

Вот, например, книга «Корпоративная культура. Проблемы и тенденции развития в мире и в России», написанная совместно с японцами и представителями почти 30 стран, вышла в издательстве «Наука». В ней человек рассматривается в системе труда. Обсуждение проблемы социальной справедливости носит одновременно теоретико-идеологический и практический характер. С эмпирической точки зрения в ценностном отношении население России расколото на две неравные части. Порядка 75% населения России разделяют, прежде всего, коммунистические ценности в повседневной жизни: семьи, дружбы, общения, порядка в обществе (повседневный коммунизм). Другая группа, примерно 23%, выдвигают на первое место властность как качество человека. Первая группа делится на целый ряд кластеров. А вторая группа – на два кластера: выделяются нравственная властность (или властвующая нравственность) и властность в сочетании с вседозволенностью, включая то, что человек при определенных обстоятельствах может лишить жизни другого человека. Вторая часть (властная вседозволенность) составляет около 9% всего общества, она характеризуется цинизмом. Большинство людей, ставящих властность в приоритет, хотели бы с помощью этого качества реализоваться.

Два момента: нравственная властность проявляет профессиональную некомпетентность, не находит средств противодействия вседозволенности во власти. Второй момент – личные качества: трусость, слабость характера и прочее.

Опыт истории показывает, что справиться с такой ситуацией можно. Мне кажется, что социология помимо исследовательской функции имеет просветительскую, которая в нашем обществе недооценивается. Нужно учитывать мировой опыт, российскую специфику. На уровне индивида необходимо равенство в ситуации. На уровне общества я бы к принципу транспарентности добавил еще принцип конституционной демократии.

ЧЕРНЫШ М.Ф.:

– Профессор Васильев и профессор Лапин говорили о качестве «сервильности». У меня возник вопрос: не миф ли это? Ханна Арендт писала об атомизированном обществе, в котором поневоле оказывается индивид. Сначала имеет место сам факт атомизированности, незащищенности индивида. Мне кажется, это хороший вопрос для социологического исследования. Это свойство характерно не только для России. Возьмите исследования франкфуртской школы: они понимают под авторитарной личностью не того, кто авторитарен, а того, кто легко принимает

авторитаризм. В США – та же самая авторитарная личность, почему и стали уstra-нять с политической и с идеологической сцены франкфуртскую школу.

КОВАЛЬ Т.Б.:

– Я выступаю целиком и полностью за социальную справедливость. Тем не менее в некоторых случаях социальная справедливость, как мне кажется, может стать очень опасным лозунгом, вырванным из контекста. Так, например, диктатор может декларировать защиту социальной справедливости и солидарности для получения поддержки. Ведь при тоталитарных режимах всегда идет спекуляция на понятии социальной справедливости. Здесь необходимо задуматься, может, нужны какие-то рамки – демократические?

ШКАРАТАН О.И.:

– С самого начала мы исходили из того, что социальная справедливость не предполагает «уравниловки» и социальной поддержки всех. С моей точки зрения, в основе социальной справедливости должен лежать принцип равенства шансов. Вы получите шанс по способностям, а не по тому, чьим сыном вы являетесь. Другой вопрос, как в действительности общество работает над этим: выравнивает шансы или способствует их ослаблению?

Я уже приводил пример США и Финляндии. США тратит деньги, чтобы вырастили новые «клинтоны», чтобы выходцы из бедных семей могли реализоваться в соответствии со своими способностями и талантами. Это было заложено еще рузвельтовской политикой.

Васильев Леонид Сергеевич поднял два важных вопроса. Первый – сумасшедший разрыв между элитой и основной массой населения, после чего Сергей Николаевич Смирнов говорит, что государство имеет какие-то социальные стандарты (потребительская корзина и тому подобное). Но как быть, если все наши стандарты, которые существуют, крайне низки? При этом отсутствует налог на дивиденды, налог на роскошь и так далее.

Очень интересен вопрос, почему у нас есть налог на доходы ниже прожиточного минимума? Власть отвечает на это так: «Они налогоплательщики, мы им дали гражданские права, пусть платят». На смену коммунизму пришла другая опасность, другая «мировая деревня». Почему общества, где распространился коммунизм, называли «мировой деревней»? Коммунизм не справился с объединением «мирового города», а «город» отверг коммунизм. И сегодня функции «мировой деревни» выполняет ислам. Раньше мир вовремя вымирал от избыточного количества детей. Мы им дали вакцины и сняли эту смертность. Теперь у нас осталась только атомная бомба.

ЗАРУБИНА Н.Н.:

– Как я поняла, не был затронут важный аспект социальной справедливости и социального неравенства, который мне представляется значимым. Это символический аспект социального неравенства и справедливости. Все мы знаем работы

Бурдые, знаем о существовании разных видов капитала: экономический капитал, властный капитал, культурный капитал. Овсей Ирмович говорил о доступности и качестве образования. Но есть еще и символические измерения неравенства и справедливости, которые, если верить данным опросов, проявляются в нашем обществе, начиная с 1990-х гг., весьма откровенно.

Проблема социальной справедливости, выраженная в противостоянии бедных и богатых, рассматривается большинством опрошенных как самое острое на сегодняшний день социальное противоречие. Дело не только в экономическом аспекте и доступности разных экономических благ. Бедные воспринимают богатых как жадных, агрессивных, несправедливо получивших свой статус и богатство, аморальных: то есть богатых наделяют весьма негативными символическими качествами. С другой стороны, богатые рассматривают бедных как безынициативных, безвольных, трусливых.

Я не вижу перспектив для погашения взаимного негатива, который накапливается. Утрачиваются контакты и коммуникации между людьми разного уровня: люди богатые и бедные больше не живут бок о бок, они все больше отдаляются друг от друга. Коммуникация утрачивается и уходит в виртуальную область (телевидение, СМИ, интернет), где демонстрируются некоторые образы, а уж насколько они реальны – это уже никого не волнует. Проблема не в том, чтобы запечь куропатку с вишней, а чтобы купить эту куропатку и вишню. Нас кормят в основном образами и картинками.

Перехожу к вопросу. Весьма печален тот факт, что мы сейчас уже вполне можем говорить о социальной сегрегации. Образуются два общества, так называемые «верх» и «низ», и между ними нет коммуникации. Это самое страшное. Глобализация по всему миру сопровождается социальной сегрегацией, о чем писали Кастельс и другие. Ульрих Бек говорит, что ныне богатые и бедные сидят за разными столами и говорить им уже не о чем. В связи с этим возникает вопрос: что есть фактор сегрегации в России – вступление страны в стадию глобализации или это не общемировой процесс, а процесс, связанный с дефектами наших реформ и нашей демократии?

Как я привыкла считать, модернизация – некий тип социальных трансформаций, предполагающий универсальное развитие. Если речь идет о модернизации общества, то все должны развиваться. Но коль скоро развитие принимает фрагментарную исключаящую форму, правомерно ли говорить о модернизации? Если «Сколково» станет новым научным центром и точкой роста отечественной науки на фоне деградации старых научных школ и академических исследовательских институтов, можно ли говорить о модернизации?

ВАСИЛЬЕВ Л.С.:

– Модернизация – это, прежде всего, такое действие, которое обязательно включает в себя в качестве предварительного условия социополитическую трансформацию общества. Чтобы общество своей системой институтов и своим длительным перевоспитанием (если оно не так воспитано) было подготовлено к той самой модернизации. Как, например, то же «Сколково». Если этого нет, то вся модернизация – сплошная иллюзия, что-то совершенно непотребное.

Что касается первого вопроса, да, есть огромное расхождение между богатыми и бедными и никуда от этого не денешься. Но есть пример Норвегии – исключение, которое заслуживает уважения. В остальном: весь мир бедный, а Запад – богатый.

ДАНИЛОВА Е.Н.:

– Мне очень понравился вопрос о символической дифференциации и дискурсе, который задается в идеологическом пространстве. Это беспокоит не только нас, но и другие страны Восточной Европы. В частности, Славой Жижек говорит о функции идеологии, которая подменяет главное видение разделения людей на бедных и богатых дискурсом о том, что должно быть, что хорошо. А на самом деле за этим стоит определенное неравенство, на которое современный дискурс не хочет обращать внимания.

В нашем российско-китайском исследовании мы поставили следующий главный вопрос: определение «победителей» и «проигравших» в ходе реформ. В Китае больше и шире набор групп, которые чувствуют себя победителями, много тех фактов, которые могут быть учтены теми, кто называет себя «победителями» (образование, социальная позиция, миграция). Анализ показал, что в российской действительности выигравшие характеризуются ценностной системой, связанной прежде всего с самоутверждением, эгоистическими и индивидуалистическими убеждениями, включая самореализацию. Такие качества как ответственность, честность в России менее важны для «победителей», чем для остального населения.

Что касается Китая, то там противоположная ситуация. Эти различия, в какой-то степени отражают культурные особенности. Тем не менее по другим параметрам это символическое разделение на выигравших и проигравших в России определяется молодостью и гендерным признаком (выигравшие – преимущественно мужчины), способностью использовать свою силу, а не какими-то социальными или меритократическими характеристиками, в то время как в Китае выигравшие более подвержены действию социальных и культурных нормативов, чем проигравшие. В России наоборот. Это означает, что в российском обществе, если ты хочешь быть среди победителей, ты должен делать все сам, бороться. С другой стороны, в России имеет место так называемая социальная асфиксия, отсутствие кислорода. Нет места для способного человека с образованием и желанием трудиться, нет возможности самореализоваться: он не может гармонично развиваться и вписываться в социальную структуру.

РУНОВ А.Б.:

– Николай Иванович Лапин поставил вопрос о практических рекомендациях. К сожалению, у меня нет предложений, но есть вопрос. «Росатом» – единственное сохранившееся советское министерство, которое не дали «раздербанить» после советского периода. Сейчас идет разговор о том, чтобы сделать «Росатом» корпорацией мирового значения, а значит, трансформировать культуру предприятия, обновить кадры, хотя до сих пор, например, нельзя было нанимать иностранных специали-

стов. Вопрос социальной справедливости возникает, когда мы вынуждены нанимать специалистов с рынка. Сейчас это специалисты финансово-экономического профиля, инновационного, уже имеющие опыт работы за границей. Мы вынуждены платить им на порядок выше заработную плату, чем старым работникам. Как объяснить остальным людям неравенство в заработной плате? Я не говорю, что это неравенство справедливо. Но как решить задачу обновления старого социального организма путем притока свежей крови, когда всю жизнь работающие здесь люди требуют справедливого к себе отношения? Можно ли что-то сделать на основе общих принципов? Как решить проблему социальной справедливости в момент, когда нужно трансформировать старую систему?

ЯСТРЕБОВ Г.А.:⁵

– Должен признаться, что мой сравнительно небольшой исследовательский и жизненный опыт пока еще не позволяет обсуждать обозначенные здесь проблемы в том широком социально-философском контексте, к которому, как мне кажется, обязывают такие дискуссионные конструкции как социальная справедливость, социальная солидарность и равенство шансов. Поэтому, я надеюсь, присутствующие здесь простят меня за некоторую простоту и, может быть, наивность моих последующих рассуждений.

И все же мне хотелось бы, обобщая некоторые полученные нами результаты, высказать несколько мыслей насчет той ситуации, которая сложилась сегодня в России.

Недавно с коллегами в Лаборатории Овсея Ирмовича мы начали проект по сравнительному анализу развития человеческого потенциала в постсоциалистических странах Европы. Сама по себе эта тема, как мне кажется, звучит довольно «избито», учитывая, что сегодня мы, по крайней мере, располагаем таким инструментом, как Индекс человеческого развития ООН и едва ли не ежегодными отчетами о динамике этого показателя в различных частях света.

Однако существенной в нашей заявке на исследование является попытка поместить рассматриваемую тематику в цивилизационный контекст, предполагающий интерпретации, выходящие далеко за рамки того узко-контекстуального анализа, который присущ ООНовским отчетам и другим подобного рода исследованиям.

Человеческий потенциал, а точнее, уровень человеческого развития, рассматривается нами в более широком смысле как одна из важнейших характеристик, определяющих жизнеспособность цивилизаций и формирующихся на их основе обществ различного типа.

В нашем собственном понимании человеческое развитие, как единственный универсальный императив развития любого общества (в отличие от весьма распространенных сегодня экономоцентрических теоретических конструкций), включает в себя такие аспекты как физическое, социальное и духовное совершенствование человека.

Второй важнейшей характеристикой жизнеспособности обществ является его способность к естественному количественному воспроизводству населения.

⁵ Данный материал не был озвучен в ходе дискуссии на заседании круглого стола.

Оптимальный режим такого воспроизводства складывается исходя из огромного количества факторов, однако несомненным для нас является то, что депопуляция, как систематическое сокращение населения в обществе, тождественна снижению его жизнеспособности.

В своих предварительных рассуждениях о том, что делает некоторые цивилизации или общества нежизнеспособными в долгосрочной перспективе, мы предположили следующее: более общим фактором нежизнеспособности системы является длительное пребывание в неоптимальном для нее состоянии.

Поясню, что имеется в виду. Если радикальная трансформация социально-экономических структур в обществе приводит к резкой смене одного способа организации жизни на другой, наступает период адаптации, когда новые структуры как бы вживляются в привычный образ действия и мышления людей. Однако не во всех случаях это вживание происходит органичным способом, т.е. когда этот привычный и в общем-то первичный по отношению к институциональным формам образ действий способен «втиснуться» в новые для него рамки. Именно это, как мы знаем, произошло в России на рубеже 1990-х и стало причиной возникновения эффектов, известных сегодня как институциональные ловушки, которые, в сущности, и есть эти самые воспроизводящиеся неоптимальные практики.

И сегодня эта неоптимальность для России проявляется в целом букете крайне болезненных для населения последствий: оно сокращается (и почти очевидно продолжит в ближайшей перспективе сокращаться) количественно и неуклонно на протяжении 2000-х гг. деградирует в качественном отношении.

На этот счет у нас есть вполне определенные эмпирические свидетельства, которые к тому же показывают, что на всем постсоциалистическом пространстве это состояние – сочетание количественной и качественной деградации населения – является сегодня практически уникальным. Эти данные опубликованы, так что у интересующихся есть возможность с ними ознакомиться⁶.

В схожей ситуации с Россией находится разве что ближайшая к нам Украина, которая, впрочем, по некоторым показателям выглядит даже несколько лучше. В то же время ситуация в таких одинаково «недемократичных» странах как Беларусь и Казахстан по многим параметрам дает своему населению значительно больше поводов для оптимизма. Другими словами, несмотря на некоторую архаичность социальной, политической и экономической организации этих обществ, хотим мы того или нет, обе эти страны в большей степени, чем Россия, способны обеспечить своему населению приемлемые для него условия существования, самореализации и воспроизводства (как социального, так и демографического).

5 апреля на пленарном заседании некоторые ответственные лица⁷ с трибуны, не стесняясь, прописали нашей стране усиленный курс, вобравший в себя вульгарные черты тэтчеризма и рейганомики, дабы облегчить посткризисное восстановление России, которое якобы станет возможным благодаря мощному притоку иностранных инвестиций. Напомню, что самой Маргарет Тэтчер приписывается

⁶ Можно ознакомиться на https://www.hse.ru/data/2011/05/30/1212649848/WP17_2011_02_1%D1%87.pdf, https://www.hse.ru/data/2011/05/30/1212649755/WP17_2011_02_2%D1%87.pdf

⁷ Можно ознакомиться на http://conf.hse.ru/2011/prog_sections

достаточно циничная фраза, согласно которой на территории советской России было оправдано проживание 15 млн человек: этих 15 млн было бы достаточно для обслуживания добывающих предприятий и связанных с ней экономикой.

В свете крайней либерализации отношений в социальной сфере, которая ведет к исключению целых социальных групп из потребления жизненно необходимых для них услуг, этот целевой ориентир в российском развитии становится сегодня все более реалистичным. О том, что данные принципы последовательно внедряются в нашу жизнь, свидетельствует пресловутая монетизация льгот, пересмотр Трудового Кодекса, разговоры о повышении пенсионного возраста, либерализация системы здравоохранения, до крайности убогий новый образовательный стандарт, не говоря уже о доступности качественного высшего образования.

К слову будет добавить, что Россия сегодня занимает не только первое в Европе и СНГ место по неравенству в доходах между богатыми и бедными. По этому показателю мы сегодня соседствуем разве что с Португалией, которая запросила экстренную финансовую помощь у Европейского союза – можно только догадываться, как будут израсходованы эти средства, учитывая сложившуюся структуру неравенства.

В нашем же случае это неравенство усугубляется еще одним тревожным обстоятельством: так, согласно данным Европейского социального исследования за 2006 г., доля положительных ответов на вопрос о соответствии получаемых доходов затратам труда и приложенным усилиям в России оказалась также одной из самых низких. Таким образом, мы не только имеем беспрецедентный разрыв между доходами богатых и бедных, но и крайне несправедливое распределение богатства в оценках населения! Будет любопытно посмотреть, что произойдет со страной, в которой и без того привилегированная прослойка богатых получит еще большие послабления в свете необходимости «улучшения инвестиционного климата» и «повышения производительности труда» за счет населения.

Очевидно, что принцип примитивной экономической рациональности сегодня лежит в основе государственной политики в России. Соблюдение этого принципа неизбежно ведет нас к достижению какого-то нового оптимума или равновесия, в котором утилитарные интересы элит, по всей видимости, будут окончательно удовлетворены за счет деградации и вымирания российского населения.

Оставаясь, в сущности, авторитарной страной, мы старательно копируем неолиберальные стандарты организации социальной и экономической жизни, которые были отвергнуты не только нашими ближайшими соседями вроде Казахстана или Беларуси, но и некоторыми странами Центрально-Восточной Европы.

Более того, как блестяще показывает в своей книге известный американский экономист, нобелевский лауреат Пол Кругман, эти же стандарты привели в США к крайнему расслоению американского общества и исчезновению самой его основы – благополучного среднего класса. Очевидно, что эти стандарты являются губительными для России и ее населения, однако сегодня, как мы видим, под соусом консервативных идей назревает очередной политический ренессанс неолиберализма. В этой парадигме по определению нет места социальной справедливости, социальной солидарности и равенству шансов.

Вопрос в том, насколько далеко эта ситуация может зайти и насколько хватит нашего запаса прочности? Отвечая на один из поставленных здесь вопросов, нужен ли стране свой новый курс, могу сказать, что он жизненно необходим. Но для этого нужна сильная политическая воля элит, опирающаяся на поддержку заинтересованных в национальном возрождении консолидированных слоев населения. К сожалению, сегодня в России мы имеем дефицит не только первого, но и второго.

К чему это приведет? Я не берусь делать прогнозов, но поделюсь ощущением. На днях я получил приглашение принять участие в очень интересной фокус-группе в рамках исследования, которое проводится «экспертским» Институтом общественного проектирования. А повестка обсуждения весьма характерная – «Возможна ли в России новая волна «утечки мозгов»?» Видимо, возможна, если будут обсуждать. По крайней мере, в моем круге общения эта «возможность» сегодня обсуждается сильнее, чем когда-либо.

Николай Иванович Лапин на предыдущем заседании высказал идею законодательно запретить детям высоких чиновников проживание за границей. Мне, как человеку, заинтересованному в том, чтобы жить и работать в процветающей, а не умирающей России, эта идея крайне импонирует. Я бы только добавил к этому запрет на покупку недвижимости и хранение средств за рубежом.

ШКАРАТАН О.И.:

– Очень важный вопрос поставил коллега Рунов. Если идти на настоящую модернизацию, то вопрос вопросов – обновление социальной организации фирм и корпораций. Эта проблема существовала еще в советский период. Она звучала как обновление идентификационного ядра предприятия. Для ее решения существуют специальные технологии, но эта проблема не предмет сегодняшнего обсуждения. Мы можем встретиться отдельно и обсудить. Справедливость здесь носит меритократический характер, потому что привлечение новых сотрудников за большую оплату экономически выгодно, даст большую прибыль. Это нормально.

Хочу добавить к словам Зарубиной: Кастельс показал, что в странах «золотого миллиарда» происходит раскол нового типа. Новый миллиардер – это не жулик, который «хапнул», как в России, а тот, кто создал что-то новое и заработал на этом. Вокруг миллиардера нового типа концентрируется интеллектуально мощный менеджмент, который получает сумасшедшие зарплаты, при этом 10–15 лет – это их «срок службы». После 10–15 лет работы эти люди предпочитают выходить из «игры», так как обычно больше не выдерживают. Они являются частью капиталистического класса с одной стороны и рабочего класса – с другой (рабочие и собственники одновременно). Помимо них остается локальная родовая рабочая сила, которую нужно опекать, о которой нужно думать. Она живет в другой части «города». В каком-то смысле это возрождение феодализма. Проблема в том, как у тебя с головой: либо в одну часть попадешь, либо в другую. К сожалению, учителя (кроме учителей элитных школ) начальных, средних классов вылетели из этой игры. И врачи, и вся бюджетная сфера, как в России. Даже если у нас установятся такие же порядки, как в Британии, Америке и других развитых странах, 80% останется за бортом: старый средний класс вылетает из этой игры.

Вопрос о символическом расколе в России. Здесь есть несколько вариантов ответа. Во-первых, те образы, которые бытуют в общественном российском сознании, безусловно связаны с социальными практиками, которые включают в себя, в том числе источники происхождения богатства, но не только. Оценка сегодняшнего дня через призму прошлого: сегодняшние практики неинвестирования в отечественную экономику, вывоз капитала за границу. Как изолировать эти практики от того символического взгляда, который складывается в обществе? Необходимо включить социальные лифты и обеспечить социальную мобильность. Человек, который знает, что лифт неисправен и выше 3 этажа он не поднимется, будет другими глазами смотреть на человека, который как-то поднялся до 10 этажа. Образы сами по себе не складываются и не возникают из ниоткуда: они постоянно меняются под воздействием социальных обстоятельств и социальных практик.